

Глава 1

Уровни криминалитета

Преступный мир таков, каким государство позволяет ему быть.

*Джон Крамник — председатель
американской Ассоциации начальников полиции*

Марика Рынду приняли в бригаду, и он собирался на первую рабочую смену. Раздавленная «льготным» двадцатилетним стажем по горячей сетке и неподъемными чугунными болванками мать обрадовалась известию, так как вопреки собственному опыту считала, что бригада — это вторая семья, дом родной. Такими были многочисленные рабочие коллективы в фильмах, книжках, газетах и песнях. И то, что ей самой не повезло — пили все кругом, матерились, норовили трахнуть в душевой после смены, — не меняло общего впечатления. Просто есть мир красивый и правильный — он всегда подальше, а есть уродливый и грубый — до него обычно почему-то рукой подать. Все от руководителя зависит. Из Петьки Буракова какой бригадир? Первый пьяница и бабник, к тому же на руку нечист! А вот поди ж ты — продержали до пенсии, значит, начальству подходил... Ну ничего, она за двоих оттерпела, Марику в жизни больше должно повезти.

— Бригадир-то у тебя хороший? — спросила она у Рынды, с усилием втискивавшего ноги в разношенные кроссовки сорок четвертого размера.

— Нормальный, — буркнул сын. — А там видно будет — работа покажет...

Раздался треск — шов лопнул, обнажив носок явно не первой свежести.

Рында выругался. Впрочем, вспышка злости сразу прошла. На новой работе такие мелочи легко решаются.

— Пока, мам!

Он подошел к зеркалу, погладил бритую, всю в буграх, как передержанная в земле картофелина, голову, застегнул «молнию» спортивной куртки и сунул в карман короткую складную дубинку.

— Это еще зачем? — всполошилась мать, но он уже щелкнул замком двери.

— Надо, маманя, не знаешь сколько хулиганья развелось!

Дверь захлопнулась.

Во дворе сидели Попугай с Амбалом. Курили одну за другой, разбрасывая окурки и заплевывая прилегающую территорию.

— Иди сюда! — по привычке крикнул Амбал.

В уличной команде Рында за два года так и не набрал авторитета. Может, потому, что гладко говорить не умел, может, из-за того, что в армию не взяли по психушечной статье, а скорее всего на приеме облажался. Хотя его вины вроде и не было. Били его вчетвером, как положено, он не ойкнул ни разу, не закрылся, но не по-настоящему вышло... Кровянку из носа пустили, и все, даже на ногах устоял.

Объяснение тому простое: Томку Федотову одновременно с ним в команду принимали, а для девок испытание другое: жарят вдвоем-втроем, а все остальные смотрят. Ясно, что интересней! Вот и оказался Рында скучной лекцией перед киношкой. Башка и Валеk спешили, и Амбал особо не старался, потому и проскочил он без переломов и контузий, что Томка уже сидела на краешке затащенной в подвал кушетки.

Амбал на нее первым залез, потом Башка, Валеk, потом снова Амбал. А когда все закончилось, Амбал сказал, застегиваясь:

— Она и за тебя отработала! Я, помню, две недели отлеживался, а ты на ее... проскочил! Может, и тебя, как бабу, принимать надо было?

И все обидно расхохотались, принялись поддерживать и развивать эту тему.

Не обращая внимания на окрик, Рында вышел из двора. Все уже знали, что он в бригаде Баркаса, а потому хвосты подождут, даже вякать не будут, что без выкупа ушел. Подумаешь, команда! Конечно, два-три года назад это была сила; если ты один, сам по себе, то и ходишь как голый. Томке три «зверя» проходу не давали: подстерегут — и тащат к себе в хату, кричи не кричи... А потом Амбал с Башкой, Ржавым и с ним, Рындой, так палками отмудохали этих черных, что они вообще из города пропали.

Но сейчас появились люди покруче... Команды распадаются, кого в бригаду взяли — тот не только защиту имеет, но и за-

работок хороший! И не надо мотоциклы угонять или шапки с прохожих сдергивать!

Через десять минут Рында пришел к месту работы. Довольно большая заасфальтированная площадка, на ней двадцать два коммерческих киоска. Почти все торгуют круглосуточно. Его задача — охранять коммерсантов. Собственно, их-то здесь и нет, наемные продавцы оставлены один на один с ночью и в реестр охраняемых ценностей не входят: товар должен быть в сохранности, стекла ларьков.

А если продавцы хотят, чтобы и их рожи находились под защитой, обязаны сами подсуетиться, дежурному внимание оказать.

Сегодня — его смена. Должность Рынды называется «контролер». Почти все с нее начинают, как в армии с рядового. А там — как служба пойдет...

Сейчас на всю ночь он здесь самый главный. Приедут пару раз менты, но они вроде как сбоку припека. Остановятся, возьмут пива, водки или хавки — и покатали дальше. Весь район под ними, хотя ни за что не отвечают: обворуют кого, ограбят, убьют — им-то что!

А здесь что случится — Баркас сразу шкуру спустит!

Раньше Рында хотел в ментовку поступить — гоняй по ночному городу и от имени власти твори что хочешь... форма, пушка, дубинка, наручники, радиосвязь на случай подмоги. Но объяснили — берут только после армии, а с его статьей — вообще голый вассер. Ну и ладно, ментовская власть пошатнулась: их самих все чаще замачивать стали...

Рында обошел киоски, наблюдая за порядком. К Самвелу то и дело заходили небритые земляки, да и русаки ныряли с иссушенно блестящими глазами; получив дозу, умиротворенно выныривали, оглядывали подобревший до поры мир и исчезали в темных переулках. У Ивана пили ликер две проститутки, чуть позже пойдут клиенты. Тут никаких нарушений нет — и Самвел, и Иван платят за свой бизнес.

Справа послышался шум. Трое пьяных, отчаянно матерясь, дергали решетку ларька, что-то требуя от напуганной вконец девчонки.

— Чего надо?! Хотите без бошек остаться?! — громовым голосом, давшим ему кличку, заорал Рында, направляясь к месту конфликта.

Он даже не достал дубинку. Крупная фигура, уродливая шишковатая голова, обритая специально, чтобы эту уродливость подчеркнуть, выражение лица, за которое в школе его называли

уголовником, действовали очень убедительно: нарушители спокойствия немедленно скрылись. Рында понимал: испугались они не его лично, в конце концов, лбы здоровые и рожи не подарок, да в карманах наверняка какие-нибудь смертоносные железки, вполне могли дать оборотку.. Но знают, хоть и бухие: он не сам по себе, за ним бригада, а за ней вся группировка, завяжешься — обязательно найдут, и придется ответ держать... А это тебе не суд — и адвокаты не помогут, и условных приговоров не бывает...

— Чего хотели? — грубо спросил он у продавщицы — молодой смазливой девчонки со светлыми волосами, затянутыми в два небольших «хвостика».

Девчонок ночью оставалось мало — четыре или пять, почти все приводили для подстраховки дружков и трахались с ними до утра, совмещая приятное с полезным.

— Будто бы вчера вместо водки самогон у нас купили! Я-то при чем — только заступила...

— Значит, сменщики химичат,— по-прежнему грубым голосом сказал Рында.

— Не знаю,— девчонка пожала плечами. Она все еще была напугана. Рында вспомнил, что когда он стажировался, то никогда не видел в этой палатке парней.

— Как зовут?

— Нина,— она протянула банку.— Хочешь пива?

Пива Рында мог взять в любом киоске просто так, за общее расположение. Прогнав хулиганов, он оказал услугу и мог рассчитывать на вознаграждение. Например, новые кроссовки. Или эту светленькую курочку.

Наверное, ход размышлений Рынды отразился на его лице, потому что девушка поставила пиво на прилавок и отодвинулась в глубину киоска, приготовившись выслушать очередное из предложений, которые ей приходилось отклонять по двадцать раз за день.

Но Рында никаких предложений сделать не успел. Сзади тормознула иномарка, он привычно шархнул в сторону, готовый мгновенно упасть на землю. Но это оказался Баркас.

— Как обстановка?! — зычным голосом старшины второй статьи гаркнул он.

«Поддатый»,— определил Рында.

— Нормаль... Три козла к девчонке лезли — прогнал...

— Ты сам от Нинки подальше держись. Понял? — Баркас захохотал.— Она со мной будет любовь крутить! Правда, Нинок?

Девушка в сердцах захлопнула окошко.

— Пушку возьмешь? — шепотом сказал Баркас. — ТТ новый — любой бронешилет пробивает... Полтора лимона!

Обалдевший от столь резкого изменения темы, Рында уставился в широкое, с оспинами, лицо бригадира. Оно выглядело серьезным, но это ничего не значило: Баркас резко перескакивал с одной мысли на другую, любил разыгрывать собеседника, и никогда нельзя было понять — шутит он или нет. Говорили, что когда он еще плавал, то получил какой-то балкой по голове.

— Что вылупился? Не веришь? Гляди!

Нырнув в обтянутый красной кожей салон автомобиля, Баркас вытащил из-под сиденья большой черный пистолет, похоже, и правда новый.

— Берешь? — Он не таясь вертел в руках опасную игрушку. — Когда-нибудь пригодится!

— Да нет,— Рында отступил. — Откуда деньги... И вообще...

— Не созрел, значит...

Пистолет исчез.

— Ну смотри... А то закопают, как Психа...

Баркас захохотал неизвестно чему, выудил из кармана гильзу и швырнул в стекло примеченного киоска, а выглянувшей светловолосой голове погрозил пальцем.

— Ладно! — Лицо бригадира вдруг сделалось непроницаемым. — Завтра день расчета. Обойди всех и предупреди — ставка увеличивается на двадцать процентов. Инфляция! Да, за блядей — сорок процентов, за наркоту — пятьдесят. Пусть платят, суки!

Баркас с шумом развернулся, и красная «Тойота», мигнув подфарниками, рванула по Большому проспекту.

«К чему он Психа приплел?» — тяжело заворочалась тревожная мысль.

Бывшего контролера рынка замочил неизвестно кто, убийство осталось нераскрытым, как и много других. Но в отличие от всех остальных не менты подозревали кого-то из блатных, а блатные были уверены, что руку приложил майор Коренев, хотя и выкрутился: не доказали ему ничего, как часто сейчас бывает...

Вспомнив Лиса, Рында поежился, заныла челюсть в месте сросшегося перелома, и холодок по спине пошел — такой зверюга мог и его, и Баркаса замочить. Да что Баркас! Шептались, что он самого Шамана пообещал списать. И тот поопасился, слинял до поры...

Только майора свои же менты и схавали за какое-то говно. Видно, многим мешал...

Рында потер челюсть. Настроение испортилось. Правда, имелась возможность подправить его, портя настроение другим. Он стал обходить ларьки, сообщая о предстоящем повышении ставок.

* * *

Попугай стоял на стреме, Амбал с Башкой ждали припозднившегося фраера. На пустыре было темно, огоньки сигарет, разгораясь при затяжках, высвечивали квадратные челюсти, нервно кривящиеся губы и подрагивающие ноздри. Вряд ли Амбал и Башка при свете дня обнаружили большое сходство, но сейчас ночное ожидание «дела» превращало их в близнецов. И мысли были почти одинаковыми.

— Рынду в бригаду взяли, — смачно сплюнул Амбал. — «Пятачок» охранять. Сегодня не поздоровался, не подошел, когда я позвал...

— Сука, — отозвался Башка, но довольно вяло.

— И выкуп за уход не заплатил! — зло продолжил Амбал. — Тамарка ушла, теперь Таньку за собой тянет... А мы что делать будем? Бабки им за харево отстегивать?

Башка молчал. Он знал, что Амбал пытался по старой памяти подкатиться к Томке, но получил от ворот поворот. А он этого не любит. Но попытается сам не лезть в дерьмо, а использовать кого-то другого. Например, его, Башку, если не сумеет выкрутиться.

— Тамарка теперь центровая. Кто мы для нее? — как можно нейтральной сказал Сашка.

— Кто? А вот смотри...

Костистая рука ухватила Башку за затылок, огонек сигареты описал полукруг и прижался к щеке.

— Ты что, омудел?! — ощущая острую боль и запах горелого мяса, Башка задергался, с трудом вырываясь из цепкой хватки. Правая сторона лица ощущалась огромным нарывом.

— Сейчас посмотрим, кто омудел!

Щелкнул, выбрасывая клинок, пружинный нож — и двенадцать сантиметров отточной стали ворохнули воздух у самых глаз.

— Шкифы выну, падла! Я главарь команды, а не ты и не Рында, — страшно шипел Амбал. — Центровые, верховые... Срала на них! Кто ушел без разрешения и выкуп не внес — тем разборка будет! А Томку делал и делать буду! Бесплатно! Иначе пибану поперек рожи — пусть покрасуется!

Попугай свистнул один раз. Амбал замолк. От автобусной остановки, сокращая дорогу, через пустырь шел человек.

— Идет... Ну!

— Я не могу...

Башка держался за щеку, ясно давая понять, что толку от него не будет.

— Хрен с тобой! Я и без тебя обойдусь!

Хищная тень метнулась прохожему наперерез, и сразу слышались быстрые, вязкие, как в тесто, удары. Человек неловко попытался защититься, но был сбит на землю. Рыча и невнятно матерясь, Амбал топтал его ногами. Когда тело перестало шевелиться, он привычно обшарил карманы, снял часы, сунул за пазуху бумажник.

Попугай свистнул два раза.

— Атас!

Амбал и Башка, стараясь громко не топать, перебежали на другую сторону пустыря, пролезли сквозь дыру в заборе, не торопясь прошли два квартала.

— Хорошо в сторонке стоять? — Настроение у главаря улучшилось, поэтому в вопросе не было злобы — обычная издевка. — Я его за минуту замесил!

— Сколько хоть ему лет? — обиженно оглаживающий ожог Башка позволил себе подковырку: мол, может, ему уже девяносто, тогда чем хвалиться?

— Хер его знает, — Амбал подковырки не понял. — Я ему в паспорт не смотрел. В лопатник заглянул — нашел целый пресс хрустов. Но твоей доли там нет!

Башка недобро промолчал.

«Уработать его, что ли? Сколько можно терпеть? Уже пятый шрам будет! И подъебки без конца... Завести на левый берег, дать кирпичом по затылку, его же пикой приколоть — и все дела!»

— Постой здесь, тебе не надо, ты все в штаны пустил, — гыгкнул Амбал, ныряя в круглосуточный платный туалет.

Зайдя в кабинку, он осмотрел добычу. Часы японские, дорогие... Деньги, посчитаем — пятьсот пятьдесят тысяч. Лопатник кожаный — можно продать... Какое-то удостоверение...

Амбал раскрыл темно-вишневую корочку. На фотографии — незнакомый человек лет сорока пяти, в военной форме. Подполковник госбезопасности Галенков, начальник отдела Управления Федеральной службы контрразведки по Тиходонской области. И запаянный в пластик вкладыш с фотографией, фамилией, поперечной красной полосой и черным оттиском «КД 1178».

Ноги главаря команды ослабли, в животе заурчало, и если бы он не стоял в туалете, то не избежал бы греха, в котором глумливо обвинил Башку.

Когда наконец Амбал вышел на улицу, мрачный поделльник не удержался от ехидства.

— Видно, ты сам в штаны наложил от страха...

— Держи,— главарь сунул ему комок купюр.— Твоя доля — двести пятьдесят штук.

И пояснил:

— Нам с тобой поровну, Попугаю пятьдесят. Нам еще часы, ему — лопатник.

Потом хлопнул по плечу:

— Не дуйся, я пошутил...

«Видно, почувствовал мои мысли»,— решил Башка, а вслух сказал:

— Какие шутки — полморды разнесло!

— Оно и к лучшему: скажем, если что,— этот хмырь первый начал, сигаретой в рожу ткнул...

Они зашли в темный сквер, в условленном месте у фонтана их ждал Попугай.

— Ну как? — нетерпеливо подпрыгивал он.

— Ну и мудака попался! Мы еще слова не сказали, а он схватил Башку за волосы да как припалит сигаретой,— возбужденно рассказывал Амбал.— Завоняло, будто кабана смолят! Ну, Башка взбеленился! Как даст ему, как даст! Молодец! С ног сбил и замесил как положено... Я даже не успел приложиться ни разу!

Преуменьшать свою роль и превозносить кого-то другого было совсем не в привычках Амбала. Башка отнес это на счет того, что он замаливает свои грехи.

«Боится, падла»,— с удовлетворением подумал Башка, а вслух сказал:

— А чего я — целовать его буду? С левой — раз, справа — два! Потом в солнечное, по шее! Потом ногами!

Амбал смотрел с жадным любопытством. Попугай в этом деле — стопроцентный свидетель.

— Держи, твоя доля! — главарь протянул трофеи.— В случае чего — ты на атасе не стоял, не свистел, ничего не делал.

— Вы его не угрохали? — деловито спросил Попугай, вкладывая полученные пятьдесят тысяч в новый бумажник.

— Да нет, очухается,— уверенно сказал Амбал, хотя в душе опасался совсем другого результата.

* * *

Любой шифровальщик, не говоря о начальнике шифроргана, является секретноносителем высшей категории. Это определяет особый режим его жизнедеятельности. В зарубежной резидентуре такой бедняга не выходит за пределы посольства, даже из помещения спецслужбы не выходит, чтобы исключить нежелательные контакты. Так и просиживает два-три года заграникомандировки в пяти—восьми комнатках, общаясь с резидентом и несколькими офицерами.

Внутри страны режим, понятно, другой, хотя все равно живет под колпаком: и телефоны на прослушке, и периодически «хвост» привешивают, и связи, само собой, проверяют. Документы, естественно, под роспись утром принял, под роспись в конце работы сдал. Вот то, что в черепа, приходится из-за стальных дверей выносить и даже домой нести — здесь борцы за секреты пока ничего не придумали.

Конечно, по логике вещей набитую секретами голову надо бы от двери до двери автомобилем доставить да под охраной двух вооруженных «волкодавов», способных и агентов иноразведок обезвредить, и всякую местную уголовную сволочь, если что, — в землю вогнать. Но логика — одно, а материально-техническое и ресурсное обеспечение — совсем другое. То дежурная машина сломалась, то на заправке, то бензина нет, то водитель заболел. Потому начальник шифротдела Управления ФСК, как простой российский гражданин, на автобусе до своей остановки доезжал, через пустырь проходил и звонил на службу:

— Я дома, все нормально.

Через десять минут после того, как подполковник Галенков встретился на пустыре с неизвестным контрразведке Амбалом, дежурный сам позвонил ему на квартиру, после чего объявил тревогу.

Еще через десять минут труп подполковника обнаружили на полпути между автобусной остановкой и квартирой.

Сержанты патрульного наряда выполнили обычную рутинную работу — осмотрели тело и доложили дежурному УВД: признаков жизни нет, карманы вывернуты, часы, деньги и документы отсутствуют. Дежурный записал в журнал: ограбление с причинением телесных повреждений, повлекших смерть, и приказал патрулю оставаться на месте, дожидаясь следователя с экспертами.

Обычно опергруппа приезжала через полчаса-час, но на этот раз сержанты соскучиться не успели: на пустырь выскочили три

черные «Волги», и молодые люди в штатском оцепили место происшествия, потом, мигая синими «маячками», подтянулись ПА с соседних патрульных участков, в рекордное время прибыл микроавтобус следственной группы, а в довершение картины понаехало руководство УВД и УФСК, включая обоих генералов.

Милицейский генерал Крамской, сам бывший опер, осмотрел труп, перекинулся парой фраз с экспертами и отошел в сторону. Картина ясная — разбойное нападение, повлекшее смерть. Тем более сегодня контрразведчик получил зарплату. Но «соседи», конечно же, выдвинут ряд своих, специфических версий, предположив, как всегда в подобных случаях, участие ЦРУ, МИ-6, Моссад или кого-то еще. Поднимется большой шум, и пресечь его можно лишь одним способом: быстрее взять мутноглазых, с грязными обкусанными ногтями ублюдков, один вид которых опровергает их причастность к уважающим себя специальным службам развитых государств. Подозвав начальников управлений и отделов, Крамской привычно давал необходимые указания.

Группа руководителей УФСК стояла неподалеку. И хотя они видели ту же картину происшедшего, что и Крамской, версия о случайном разбойном нападении находилась в самом конце длинного ряда традиционных для контрразведывательного ведомства предположений.

Дело в том, что три часа назад подполковник Галенков расшифровал своим личным, высшей сложности ключом правительственную шифрограмму, помеченную грифом «государственной важности» и содержащую информацию и перечень мероприятий по плану «Зет», вводимому на территории Северного Кавказа со следующей недели.

О плане «Зет» в регионе были осведомлены всего восемь человек: командующий военным округом и его начальник штаба, командующий и начальник штаба округа внутренних войск МВД России, начальник шифровального отдела военного округа, начальник Управления ФСК генерал-майор Лизутин, начальник оперативного отдела Управления Карнаузов и начальник шифротдела УФСК Галенков, труп которого воровали сейчас следователь с судмедэкспертом.

Поэтому для контрразведчиков самоочевидной являлась версия о нападении с целью захвата особо важного государственного секрета, замаскированном под заурядную уголовщину.

«Если информация попала к противнику, то план „Зет“ подлежит отмене», — привычными оборотами размышлял Лизутин,

хотя вряд ли смог бы объяснить, кого обозначает сугубо военным термином «противник».

— Сколько времени Галенков находился вне контроля? — спросил генерал у Карнаухова.

Начальник оперативного отдела, как и все присутствующие контрразведчики, ждал этого вопроса: профессионалы прекрасно представляли ход мыслей любого из руководителей Системы при подобной исходной ситуации.

— От десяти до пятнадцати минут, — четко доложил Карнаухов и пояснил: — В зависимости от того, сразу сел на автобус или ждал некоторое время.

— Да-а-а, — неопределенно выдохнул Лизутин.

Это был крупный мужчина сановитого «номенклатурного» вида, который сейчас утратил изрядную долю присущей ему уверенности. Потому что драма на пустыре ставила под удар дальнейшую карьеру. Когда пятидесятисемилетний начальник Управления ФСК докладывает об утечке информации из своего аппарата, в результате чего приходится отменять план государственной важности, судьба его решается однозначно.

— Для «потрошения» времени мало и обстановка неподходящая, — успокаивающе проговорил Карнаухов. — Да и методы...

— Эффективность методов определяется полученным результатом, — раздраженно бросил Лизутин, как на строевом смотре оглядывая крепко сбитую фигуру подчиненного. Придаться было не к чему. Короткая спортивная стрижка, обязательный костюм с галстуком, озабоченный взгляд.

Но генералу не нравилось, когда кто-то заглядывал ему в душу, а тон Карнаухова показывал, что тот уловил и растерянность, и тревогу начальника.

— Могли перехватить по дороге, всадить укол и выпотрошить в машине, — по-прежнему раздраженно продолжил генерал. — Могли примитивным отбиванием внутренностей развязать язык прямо здесь...

— Следов уколов на теле нет, я специально обратил внимание эксперта. А что до второго варианта... Извините, но так не делается...

Для всех сотрудников милиции и ФСК, находящихся на освещенном фарам машин и яркими переносными лампами пустыре, был предпочтительней вариант случайного разбойного нападения.

Крамской и его люди сразу пришли к такому выводу, и, хотя Лизутин был обязан выдвигать и отрабатывать самые экзотичес-